

3. Чистка (1982—1984 гг.)

Укрепление позиций андроповского клана в высших органах власти сопровождалось интенсивной чисткой партийного руководства. Главным орудием Генсека в этом деле стал назначенный в 1983 г. заведомом организационно-партийной работы ЦК КПСС Е.Лигачев.

ЛИГАЧЕВ Егор Кузьмич

1920 г. рождения. В 1943—1949 гг. делал производственно-комсомольскую карьеру в Новосибирске. В 1949 г., будучи первым секретарем ОК ВЛКСМ, был обвинен в троцкизме, снят с должности, семь месяцев оставался без работы. Карьеру пришлось начинать сызнова, но Лигачев считает, что ему повезло — он чудом избежал ареста³⁴. В дальнейшем Лигачев занимал различные партийно-государственные посты в Новосибирске. Сибирская номенклатура отличалась несколько большей независимостью, нежели центральная. Здешние «удельные князья» были достаточно удалены от центра с его мелочным контролем, соревновались друг с другом в возведении гигантов индустрии, варварски губивших сибирскую природу. Все это называлось «освоением Сибири» и приносило огромные капиталовложения центра.

В такой атмосфере проходила партийная «молодость» (до сорока лет) Лигачева. В 1961—1965 гг. он был «проверен» на агитационно-пропагандистской работе российского уровня, а затем, с концом хрущевской оттепели, назначен руководить Томской областью. Здесь Лигачев проявил себя не только как самостоятельный организатор, но и как меценат, привлекавший в Томск интеллигенцию, прежде всего научную.

Такая политика объяснялась прежде всего общественным кредо Лигачева, которое сформировалось, видимо, именно в Томске. В современных терминах оно выглядит так: *«застой был не на рабочих местах, а в руководящем политическом ядре страны. А еще в марксистско-ленинской теории. Там тоже был застой. В результате страна не смогла перейти к новому этапу научно-технической революции, на пороге которого стояла. Развитые страны мира в 70-х гг. совершили этот переход, а мы его прозевали, топтались на месте»*³⁵. Такая концепция вполне соответствовала андроповскому представлению о задачах реформ и о причинах кризиса.

Помимо геронтократов из Политбюро Лигачев винит в отставании страны от темпов, необходимых, чтобы преодолеть барьер НТР... философов и социологов, тех самых шестидесятников, которые впоследствии возглавят стан «демократов». За конфликтом поколений здесь стоит и конфликт подходов — военное поколение и пятидесятники рассматривали общество с точки зрения уровня его технического развития. Поэтому для них вся проблема заключается в том, что «просмотрели НТР». Вот если бы обществоведы вовремя указали, то управленцы приняли бы соответствующие решения, и научно-техническая политика была бы направлена в должную сторону.

Обществоведы-шестидесятники уже понимали в массе своей, что простого принятия решения о НТР недостаточно, что необходима трансформация общества. Но цензурный контроль не позволял гуманитариям выйти за рамки «совершенствования социализма». Это позволило Лигачеву возложить и на них вину за кризис 80-х гг.:

«Эта промашка роковым образом повлияла на дальнейшее развитие страны. В этом немалая вина руководства страны, а также ведущих ученых-обществоведов, сосредоточивших свое внимание на обосновании так

называемого “развитого социализма”, но упустивших из поля зрения главную проблему последней трети двадцатого века — очередной этап НТР. Кстати, среди этих обществоведов было немало ученых, которые впоследствии трубно заговорили о застое, провозгласили себя прорабами перестройки»³⁶. В Томске закладывались основы будущего взлета Лигачева на вершины власти. Он хорошо усвоил аппаратную науку — не отрываться от кадровой базы. Когда в конце 70 г. ему предложили престижный дипломатический пост, Лигачев отказался — это означало не только потерять непосредственную связь со своим номенклатурным кланом, но и войти в конфликт с могущественным членом Политбюро А.Громыко, который без восторга смотрел на перевод в его ведомство областных дилетантов от дипломатии. В 1983 г. Громыко поддержал назначение Лигачева на пост завотделом организационно-партийной работы.

Но решающее значение для карьеры Лигачева имели хорошие отношения с Горбачевым. Последний вспоминал: «Работая в ЦК, я поддерживал с Лигачевым как секретарем Томского обкома постоянный контакт, видел его искреннее стремление больше сделать для своей области, особенно для ее снабжения продуктами питания. Лигачев выделялся среди секретарей обкомов не только деловитостью, но и кругозором, общей культурой»³⁷. Когда встал вопрос о необходимости назначения на пост завотдела организационно-партийной работы (главного партийного кадровика) решительного человека с «пуристанскими» наклонностями, Горбачев посоветовал человека «типа Лигачева». «...Так зачем же нам искать человека “типа Лигачева”, — рассмеялся Андропов, — если есть Лигачев?»³⁸

В феврале 1983 г. прошла встреча Андропова и Лигачева. Вскоре внимание высших партийных руководителей к Лигачеву привлекло также его резкое выступление на совещании по сельскому хозяйству, проходившем в присутствии Андропова. «Нетрудно было предположить, — считает Лигачев, — что на аграрном совещании в Кремле слово мне дали именно благодаря Горбачеву»³⁹.

Впоследствии Е.Лигачев — член Политбюро ЦК КПСС (1985—1990 гг.), народный депутат СССР (1989—1991 гг.), член КППФ, заместитель председателя Союза коммунистических партий КПСС (с 1996 г.)

Сразу после назначения на новый пост Лигачев принялся за дело. Он объезжал страну, беседовал с местными партийными руководителями. Результатами этих бесед были «организационные выводы». Сам Лигачев не без удовольствия цитирует строки финского политолога Й.Иивонена, посвященные этому периоду: «Первостепенной задачей Лигачева было осуществление “революции Андропова” среди руководителей областных и краевых партийных организаций. К концу 1983 г. было сменено около 20% первых секретарей обкомов партии, 22% членов Совета Министров, а также значительное число высшего руководства аппарата ЦК (заведующие и заместители заведующих отделами)»⁴⁰. По утверждению В.Гришина, «в 1983—1984 гг. ему удалось расставить первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС около 70 процентов своих людей, которые готовы были вы-

полнить любое его указание, обеспечить арифметическое большинство при голосовании на пленумах ЦК по любому вопросу»⁴¹.

За время правления Андропова чистка приняла внушительные масштабы. В Москве было смещено до 31% партийных руководителей, на Украине — до 34% (в том числе 9 секретарей ЦК), в Казахстане — до 32%⁴². Более 200 человек было арестовано к середине 1983 г. по обвинению в хозяйственных преступлениях в Краснодарском крае, что позволило наконец “свалить” хозяина края С.Медунова, который, по словам Андропова, “создавал трудности для следствия”⁴³. 14 июня на пленуме ЦК из этого органа были выведены Медунов и Щелоков.

В то же время чистка, ударившая по хозяйственным кадрам и по региональным кланам, пока не особенно сильно сказывалась на центральном партийном руководстве. Наиболее серьезным шагом здесь была отставка управляющего делами ЦК КПСС Павлова. В беседе с Арбатовым Андропов, «согласившись, что множество работников, занимающих ответственные посты, несостоятельны, ответил, что пока их менять не будет. Ибо не хочет иметь враждебный к себе Центральный комитет... У меня сложилось впечатление, что Андропов просто не знал и не видел людей, которые могли бы заменить тех, кто достался ему по наследству»⁴⁴. Сначала нужно было подготовить интеллектуальные кадры. Не случайно Андропов со вниманием относился к идеям сближения интеллигенции и правящей элиты, не давая, впрочем, интеллигенции забывать о ее подчиненном месте⁴⁵.

Ключевым направлением чистки стала борьба с коррупцией вдали от Москвы. Коррупция действительно представляла собой серьезную проблему для СССР, но методы борьбы с ней в первой половине 80-х гг. не позволяли эту проблему решить. Речь не шла о преодолении социальных причин коррупции, прежде всего — монополизма бюрократии и ее стремления к преодолению отчуждения от собственности, «серой зоны права», в которой чиновник, «материально стимулируемый» взяточником, мог творить произвол. Политика «борьбы с нарушениями социалистической законности» была призвана нанести выборочные удары по отдельным звеньям системы коррупции (иногда второстепенным) с тем, чтобы умерить аппетиты остальной части аппарата. При этом жертвы выбирались достаточно произвольно, и не всегда из числа тех людей, которые действительно играли значительную роль в коррупционной сети. «В 70-х и начале 80-х годов было произведено большое количество арестов, возникло множество судебных дел, очевидной особенностью которых было общее снижение уровня требований к соблюдению начал объективности, законности и одновременно — заметное усиление репрессивных тенденций в оценке действий обвиняемых по этой категории дел», — считает адвокат И.Кисенишский⁴⁶. Один из примеров — дело руководителя Госцирка А.Колеватова, у которого работал Буряце. Колеватову инкриминировалось взяточничество на основании преподнесения ему подарков. Один из «взякодателей», всемирно известный клоун, который имел неосторожность подарить начальнику купленный за границей ковер стоимостью, эквивалентной 21 рублю, рассказывал на суде: «Обстановка на следствии была невероятной, у меня было шоковое состоя-

ние, был психологический нажим, унижено мое достоинство. Неужели мне нужно давать взятки, чтобы ездить за границу»⁴⁷.

Приверженный политике локальных экспериментов, Андропов и в этой области решил начать «с малого». Образцово-показательным полигоном для борьбы с коррупцией был избран Узбекистан. Коррупция в СССР была развита везде и опиралась на разветвленную систему приписок, ставшую своего рода реакцией общества (в том числе и руководящей элиты) на оторванные от жизни экономические планы. По мнению следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР К.Майданюка, возглавлявшего расследование «хлопкового дела» (приписок в хлопковой отрасли Узбекской ССР), «Узбекистан пал жертвой планового экстремизма, преступного по сути, ибо физически не мог дать столько хлопка, и это была народная трагедия: пирамида приписок начиналась с поля, с бригады, потом — хозяйство, район и т.д. (участвовали все — получали по разному)...»⁴⁸

В Средней Азии (и не только в Узбекистане) коррупция была к тому же вплетена в систему традиционных отношений, что придавало всей конструкции не только всеобъемлющий, но и почти легальный характер. Без взятки многие чиновники и хозяйственники просто не могли работать, взятка считалась нормальной доплатой, молчаливо санкционированной сверху. Но удар по этой системе имел для Андропова важное значение в связи с тем, что традиционные общества Средней Азии стали опорой консервативных кланов в СССР. Борьба с коррупцией в Средней Азии позволяла «убить двух зайцев». С одной стороны — ослабить и припугнуть консерваторов и коррупционеров в СССР в целом, а с другой стороны — проводить образцово-показательные чистки вдали от центра, удовлетворяя справедливый гнев населения и не очень нервирова центральный бюрократию. Перенос центра тяжести борьбы с коррупцией в Среднюю Азию (если не по количеству дел, то по уровню вовлеченных в расследование фигур) был, таким образом, своеобразным компромиссом «пуристан», жаждавших «очищения», и «консерваторов», ориентированных на сохранение спокойной атмосферы в аппарате при условии лояльности его к проводимому курсу.

В апреле 1983 г. арестом начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома А.Музаффарова началась операция по искоренению коррупции в Узбекистане. «Арест Музаффарова был одним из этапов тщательно подготовленной операции узбекского КГБ, получившего из центра указания резко активизировать борьбу с коррупцией», — пишут Т.Гдлян и Н.Иванов⁴⁹. При подготовке операции КГБ учитывало клановые противоречия первого секретаря КП Узбекистана Ш.Рашидова и Бухарского первого секретаря А.Каримова⁵⁰. У Музаффарова было изъято 1 131 183 рубля⁵¹, монеты и золотые изделия. Нажить такой капитал, откладывая деньги из зарплаты, офицер милиции не мог. Музаффаров счел за лучшее давать показания. Вскоре было арестовано еще 7 милицейских и хозяйственных руководителей областного уровня, хотя здесь улик было обнаружено меньше, чем в случае с Музаффаровым. Одновременно были проведены операции КГБ в Ташкенте. В сентябре 1983 г. группу прокуратуры СССР, расследующую

дело о коррупции в Бухарской области, возглавил старший следователь по особо важным делам Т.Гдяня.

ГДЛЯН Тельман Хоренович

1940 г. рождения. Родился в селе Большой Самсар в Грузии. После войны семья переехала в Сухуми. С 1959 по 1962 год служил в армии. В 1963—1964 годах работал завхозом в учебном комбинате в Саратове. В 1968 году окончил Саратовский юридический институт.

С 1968 года — следователь прокуратуры Барышского района Ульяновской области, с 1970 года — Заволжского района г. Ульяновска. С 1973 года — старший следователь прокуратуры Ульяновской области, с 1982 года — старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Участвовал в расследовании дела эстонского изобретателя, предпринимателя и «инакомыслящего» И.Хинта. По утверждению Т.Гдяня, он участвовал в расследовании только экономической стороны деятельности И.Хинта, которая была в тот период уголовно наказуемой. Хинт в заключении скончался. Освободившись из лагеря, сотрудники Хинта обвинили Гдяня в том, что он фальсифицировал дело, принуждая людей к ложным показаниям.

В середине 80-х гг. расследовал в Смоленской области дело о серийных убийствах женщин. По этому делу арестовал подозреваемых братьев Гончаровых, добился от младшего брата обвинительных показаний против старшего, а тем временем другая следственная бригада во главе с Иссой Костоевым отыскала подлинного убийцу. Впоследствии журналистке-правозащитнице О.Чайковской старший из братьев рассказывал, что, добиваясь признания, Гдяня сутками держал его в подвале с холодной водой, голым, в наручниках. Т.Гдяня отрицает справедливость этих обвинений.

В 1983—1989 гг. Т.Гдяня руководил следственной группой, расследовавшей факты коррупции в Узбекистане. Впоследствии — народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы и ее Координационного совета, член Совета представителей и Координационного совета движения «Демократическая Россия» (с 1990). В 1990 г. уволен из прокуратуры. В 1990 г. избран народным депутатом Армении. С 1991 г. — сопредседатель Народной партии России (НПР). В 1995—1999 г. — депутат Государственной думы РФ⁵².

На вопрос корреспондента «Известий» о Гдяне его бывший коллега К.Майданюк ответил: «Тельман Хоренович — следователь высокого профессионального уровня и, надеюсь, честный. Может быть, излишне нетерпеливый...»⁵³

Одновременно с началом работы группы Гдяня развернулась масштабная операция против приписок и взяточничества в хлопководстве. Здесь удар пришелся по базису и среднему звену пирамиды коррупции. Волна арестов захватила массу рядовых взяточдателей и взяточников. Это поставило под удар огромное число людей. Т.Гдяня вспоминает: «в организованные руководством Узбекистана и Центра преступления было втянуто огромное количество трудящихся. Из них тысячи и тысячи уже осуждены к

различным мерам наказания. В их числе бригадиры, агрономы, председатели колхозов, директора совхозов и другие специалисты низшего звена управления, чьим трудом и знаниями выращивался хлопок. Справедливо ли это? Из многих взяток вымогались фактически насилем... Вместо того, чтобы разобраться в первопричинах этих преступлений с феодальным духом, отличить матерых организаторов от бессловесных рядовых исполнителей и дифференцировано подойти к судьбе каждого человека, ставшего винтиком коррупционного механизма, формально-бюрократическая машина правоохранительных органов без особого разбора, с хрустом прошла по их судьбам»⁵⁴.

По мнению Т.Гдяна и Е.Додолева, массовый террор был выгоден как «определенного уровня правоохранительным органам, которые бойко отработали об активной борьбе с преступностью»⁵⁵, так и местным коррупционерам, которые могли «с легкой душой пожертвовать “пешками” и тем самым не только сохранили свои сытые привилегии, но и получили очередную возможность ликующе отчитаться перед более высокими инстанциями о “бескомпромиссной войне с локальными негативными явлениями”»⁵⁶. Версия об узбекском руководстве, стимулировавшем массовые репрессии, выглядит натянуто. Очевидно, что вовлечение в маховик следствия все большего числа людей ставило под удар практически каждого руководителя и давало возможность в любой момент арестовать его. Чем больше людей под следствием, тем больше связей тянется к местным руководителям. «Массовидность террора» стимулировалась, несомненно, извне.

Постепенно следственное кольцо стало сжиматься и вокруг руководителей областного уровня. В декабре 1983 г. был освобожден от должности руководитель Бухарской области Каримов, ушел на пенсию министр внутренних дел Узбекистана Эргашев, имя которого стало фигурировать в материалах следствия.

Перед группой Гдяна стояла трудная задача. По словам начальника управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР В.Гурова, «каждому юристу известно, что доказать взятку “постфактум” практически невозможно. Нужно либо “выбивать” чистосердечное признание, либо находить еще какие-то доказательства. Мне запомнились слова одного профессионального работника БХСС МВД СССР М.Аверкова (Аверков сейчас возглавляет одно из управлений МВД РФ), который сказал: “Я с Гдяном работать отказался, и не потому, что побоялся чего-то, а просто не привык издеваться над людьми”»⁵⁷.

Если верить материалам проверки 1989—1990 гг., Гдян и Иванов пошли по пути, который, как казалось, мог бы существенно «ускорить» их работу, повысить «производительность труда». Для этого на вооружение была взята «царица доказательств», выражаясь словами Вышинского — признание обвиняемого. Гдян начинал не с обысков, а с арестов подозреваемых, а затем с помощью различных методов, среди которых специалисты комиссии, проверявшей деятельность группы «обнаружили» избиения, угрозы преследования родных (многие из них также арестовывались), обман, издевательства рецидивистов и т.д.⁵⁸ Следователи добивались от обви-

няемого показаний на него самого и «лиц наверху», постепенно выстраивая нужную руководителям из ЦК КПСС «пирамиду», в которую включались все более высокопоставленные руководители республики⁵⁹.

Была и другая сторона дела, которая облегчила группе Гдяна старт расследования. Следователь прокуратуры СССР В.Илюхин, проверявший работу группы Гдяна в 1989—1990 гг., считает, что «в основном гдяновскими миллионами прикрыли настоящую мафию... Гдян и Иванов, злоупотребив служебным положением, незаконно освободили от ответственности многих крупных расхитителей и взяточников, укрыли их преступления и не приняли достаточных мер к возмещению государству огромного материального ущерба». В качестве доказательства этого обвинения В.Илюхин приводит дело Кудратова, который был осужден за получение взяток от 56 директоров бухарских торговых предприятий. Эти средства не могли быть получены ими из собственной зарплаты, но группу Гдяна «первичные источники» денег, поступающих наверх, не очень интересовали. Их волновали «крупные фигуры», а не директора магазинов, и дело в отношении взяточдателей было прекращено. Сотрудничество с «низовой мафией» позволяло получить показания, необходимые для ареста Кудратова в обмен на отказ от преследования сотрудничающих со следствием преступников⁶⁰. «Оправдываемая беззакония, Гдян и Иванов... заявят, что они освобождали от уголовной ответственности второстепенных, мелких преступников... Разве можно назвать мелкими деяния, когда ими причинен ущерб государству, гражданам, исчисляемый в сто, двести и более тысяч рублей? И как непоследовательны Гдян и Иванов в своем поведении и в своих заявлениях. В одном случае они уводили от ответственности маховых расхитителей, взяточников, а в другом — заперли в тюрьму более сотни людей, так называемых хранителей ценностей, многодетных матерей, старцев, беременных женщин...», — считает В.Илюхин⁶¹. По его мнению, «Гдян просто отказался от кропотливой работы, от всестороннего исследования хозяйственной деятельности, обстоятельств торговли»⁶². Но такой метод позволил группе Гдяна сразу вырваться вперед, завоевать авторитет обличением крупного взяточника. Н.Иванов так объясняет снисходительность следствия: «Мы решили привлечь только организаторов преступлений. По отношению к другим, распустили, существуют и должны применяться иные виды ответственности: дисциплинарная, партийная, административная и т.п.»⁶³ Но руководители торговой сети также были организаторами преступлений. Следствие отрицало возможность того, что мафиозная система может управляться из теневых структур, а не из вышестоящих партийно-государственных органов: «Путь массовых арестов... обрекал нас на расследование деяний все более и более низших чинов. При этом никак не затрагивалась вершина порочной системы, гарантировавшая ее целостность даже в том случае, если будут выбиваться отдельные звенья»⁶⁴.

Гдян не проявлял интереса к «теневикум» и, как правило, не давал хода делам подобного рода, особенно если подозреваемыми были кавказцы. По утверждению Илюхина нити следствия, тянувшиеся из Средней Азии в Закавказье, были обрублены⁶⁵. Эта версия нуждается в уточнении. До узбеки-

станской эпопеи Гдлян успешно (и не без «специфических методов») расследовал деятельность грузинских теневых группировок⁶⁶. Так что речь не может идти обо всем Закавказье. Впоследствии политическая деятельность Гдлья и Иванова будет тесно связана с Арменией. По всей видимости дело было не в том, что Гдлян сознательно стремился спасти мафиозные торговые структуры в Узбекистане и Закавказье. Просто они его не интересовали. Не случайно прекращение дела бухарских торговцев произошло после очередного инструктажа Гдлья в Москве⁶⁷. Группе под руководством Гдлья была доверена миссия нанесения сокрушительного удара по узбекскому чиновничьему клану.

Первый успех был особенно важен для Гдлья, поскольку это позволяло ему получить в дальнейшем чрезвычайные полномочия. После «выхода» на Бухарский обком в Москве решили, что Гдлян — как раз тот человек, который сможет «разворошить муравейник» узбекской номенклатуры. Генеральный прокурор СССР А.Рекунков замкнул работу группы на себя, наделив Гдлья экстраординарными возможностями. По мнению В.Илюхина, фактически Гдлян «командовал» даже начальником следственной части Прокуратуры СССР Каракозовым⁶⁸. Проверяющие впоследствии получили информацию о том, что санкции на арест Гдлян получал у местных прокуроров даже в тех случаях, когда не предоставлял предусмотренных доказательств вины подозреваемого. С всесильным посланником Москвы никто не хотел связываться — ведь маховик репрессий не обошел и органы юстиции Узбекистана⁶⁹.

«Правоохранительные» органы не владели действительно правовой методикой борьбы с коррупцией, когда доказательства в большинстве своем собираются до ареста подозреваемого. И потому им приходилось «создавать» доказательства, опираясь прежде всего на рабочую гипотезу: в условиях тотального характера коррупции практически любой руководитель нарушает закон (что было недалеко от истины в силу социальных условий). К.Майданюк утверждает: «Следователь может фамилии не знать, но заранее предполагает, какая должность откуда и что “черпает”. А раз так, то и доказательства найдутся. Возникает презумпция виновности, человека арестовывают, а уж потом... Отсюда — произвол, беззакония, ошибки»⁷⁰.

«В гдлянвской группе исходили из того, что в Узбекистане “все берут взятки и все их дают”. А коли так, то человека рассматривали только как источник информации, и ее надо было выколачивать любыми путями, — комментирует В.Илюхин. — Эта теория и явилась той базой, на которой строились массовые задержания и аресты невиновных граждан. Действовали по принципу: “бей следственным ножом направо и налево, в кого-нибудь все равно попадешь, здесь все преступники, и твои поступки будут оправданы”. Обвиняемый Хикматов, оправданный потом Верховным судом Узбекистана, утверждал, что следователь Иванов сказал ему: “...Мы знаем, все узбеки — взяточники”»⁷¹. Гдлян подтверждает, что уже расследование в Бухарской области привело следователей к выводу о том, что в системе коррупции участвует почти все общество⁷².

По мнению Н.Иванова, узбеков сделала взяточниками социальная система: «У узбеков обычно очень большие семьи, детей — человек восемь, десять, двенадцать. Религиозных обрядов — великое множество, и соблюдать их нужно неукоснительно. Сопровождаются многие обряды празднествами, застольями, которые также обязательны для каждой семьи, считающейся добропорядочной. И получается: чтобы совершить, скажем, обряд обрезания у мальчика или выдать дочь замуж, вся семья вынуждена год жить впроголодь. А уровень оплаты труда вынуждает искать источники дополнительных доходов. Большинство населения живет не просто в бедности, а в нищете, да еще и плен традиций, как я уже говорил, необходимость соблюдать обычаи, условности. Все это ставит узбеков в положение людей, которыми легко управлять. В народе укоренились прекрасные сами по себе этические установки, которые, однако, в определенных условиях могут стать источником человеческой трагедии. Например — почитание старших. Казалось бы, нам всем этому следует только поучиться. Но под понятием «старший» подразумевается не только человек в годах. Это еще и тот, кто облечен властью. Скажем, безусый мальчишка, надевший милицмейскую форму — старший по отношению к старику-дедханину, не нажившему за долговую трудовую жизнь ни денег, ни должности... Старший — это власть. И неважно, как ты называешься: бригадир ли, председатель колхоза или секретарь райкома. При этом старший обязательно должен получать от нижестоящего кое-что посущественнее простого уважения... Коррупцированность стала неотъемлемой чертой общества. Она легла на сдобренную почву... Любой секретарь райкома, который посмел бы отказаться от приписок, был бы тут же изгнан. И... осужден. За те же приписки, что сделал раньше. Ведь практически любого руководителя можно было поймать на этом или задержать с поличным за взятку»⁷³. На уровне схемы эти рассуждения оправданы — традиционное общество способствует распространению коррупции, которая воспринимается как неформальный налог. Однако структура коррупции могла быть сложнее простой пирамиды от каждого работника до ЦК КПУ. Но следователи не стали вдаваться в такие тонкости. Перед ними встала иная проблема: «закон, рассчитанный на отдельные правонарушения, совершенно не учитывал ситуаций, при которых в разряд преступников попадали сразу миллионы людей. Как поступить в данном случае? Не ограждать же колючей проволокой целую республику, не строить же лагеря»⁷⁴. Все виновны, но посадить следует десятки людей. Таким образом, преследования приобретали произвольный характер. Следователей интересовали только люди, которые могли вывести их на ЦК КПУ, который они сочли «штабом мафии». В этом выводе была своя логика, естественная для человека, воспитанного в СССР: за все в республике должен отвечать ЦК Компартии. ЦК — организатор всех социальных явлений. Если социальное явление признано законом преступным, значит преступен ЦК КПУ. Теперь оставалось только найти доказательства. Для этого нужно было «пройти» цепочку от уже арестованных людей до руководства Узбекистана.

В Москве не могли не видеть, куда метит Гдлян, но ЦК КПСС дало следователю широкие полномочия. Пока Гдлян работает, никто в Узбекистане не станет перечить реформаторам.

Усиливалось давление на Узбекскую парторганизацию и по партийной линии. По инициативе завсектора среднеазиатских республик Г.Смирнова и с одобрения Андропова Лигачев провел жесткую беседу с Рашидовым⁷⁵. Через два месяца, 31 октября 1983 г., хозяин Узбекистана скорострительно скончался. Но, несмотря на его смерть, узбекские владыки были еще достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление десанту прокуратуры СССР и КГБ в республику.

Дела меньшего масштаба, связанные прежде всего со злоупотреблениями в торговле, начались и в России — были арестованы директор «Елисейского» магазина (гастронома № 1) в Москве Ю.Соколов и его сотрудники. По утверждению замминистра внешней торговли В.Сушкова, расследование его дела велось с нарушениями норм законности. Это подтверждается и процессом частичного пересмотра дела Соколова, начавшимся в 1995 г.⁷⁶ В ноябре 1983 г. Соколова, которому обещали мягкий приговор в случае сотрудничества со следствием, расстреляли. Директор гастронома № 2 застрелился сам. В 1983 количество арестов в московской торговой сети исчислялись уже десятками. По делу Главторга проходили сотни сотрудников. Начались аресты в Ростовской области, в Одессе, Краснодарском крае и других регионах.

В августе 1983 г. министр внутренних дел В.Федорчук сообщал о разоблачении злоупотреблений на транспорте: *«в итоге умелых действий оперативных работников МВД СССР разоблачена группа взяточников во главе с начальником ревизионного отдела Министерства путей сообщения Путинцевым и его заместителем Берченко, которые вместе с сообщниками привлечены к уголовной ответственности... Велики приписки на транспорте. На иных из проверяемых объектов они достигают 40 процентов. В подмосковном Ногинске, например, за счет систематических приписок списано за три года с подотчета одного из водителей 36 тысяч литров бензина и ему незаконно выписано 11 тысяч рублей, а служащие автопредприятия получили 80 тысяч “премиальных”. В прошлом году госавтоинспекция выявила значительное количество грузовиков с неработающими спидометрами.*

*Немало расхищается железнодорожных грузов, причем зачастую самим работниками транспорта. На станции Курск группа машинистов и их помощников совершила несколько краж на общую сумму более чем 93 тысячи рублей, а бывший начальник грузового двора станции Самтредиа (Грузинская ССР) похитил 1300 мешков сахара»*⁷⁷. Конечно, сообщение о поимке расхитителя сахара могло вызвать интерес публики, но наибольший энтузиазм возникал все же при разоблачении высокопоставленных чиновников. Однако кампания против взяточничества, приписок и расхищений не была вызвана только пропагандистскими целями.

Центральная номенклатура не могла смириться с тем, что средства, предназначенные для общегосударственных задач, уходят в карманы под-

чиненных. Обозначившееся в период брежневского правления стремление номенклатуры перекачать власть в собственность противоречило устремлениям правящей олигархии, распоряжавшейся народным хозяйством в целом.

Одновременно с чисткой Андропов усиливал нажим и на всю толщу бюрократии. Чтобы сохранить место, чиновник должен был «крутиться». 7 апреля было принято постановление ЦК, затруднявшее корректировку плана и лоббирование ведомств в плановых органах⁷⁸. В июле 1983 г., когда в ряде отраслей произошел очередной экономический «сбой» — отставание от плановых показателей (как считали многие хозяйственники — нереальных), Андропов устроил «разнос» на Политбюро: «Почему же сейчас сбой? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и года... Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров... Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку»⁷⁹. Как хотите, так и выкручивайтесь. Политическое руководство не знало, как конкретно добиться выполнения поставленных им планов. Об этом голова должна болеть у хозяйственников, если они хотят сохранить место. Универсальным решением подобных проблем Андропов считал подтягивание дисциплины: «Дела идут неважно, а руководители министерств, отраслей в отпусках, лето — самая лучшая пора! Отозвать немедленно тех, у кого плохо идут дела. Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы — будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра»⁸⁰. Показатели после этого поползли вверх. Какую роль в этом сыграли приписки — сказать сегодня трудно.

Андроповский нажим на бюрократию, крупнейший со сталинских времен, показал чиновникам, что их связь с собственностью неустойчива, что в любой момент они могут быть выброшены из правящей элиты. Это усилило готовность бюрократии к системным переменам и расширило социальную базу реформистской группировки.